

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

1.1. ЦИФРОВАЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА: НАПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИИ

Поведение людей в цифровой среде отличается от поведения в офлайн-пространстве¹. Виртуальная реальность, существующая параллельно с физической, воспринимается через понятия и категории, сформированные в реальном мире, что создает определенную трудность в выполнении одной из главных научных задач — наблюдения и объяснения трансформаций в социальной сфере. Так, В.П. Казимирчук отмечал, что правовые исследования — один из видов конкретно-социальных исследований, при проведении которых наряду с другими (например, анализ статистических данных, анкеты и др.) может быть использован метод наблюдения². В современной научной литературе также подчеркивается значи-

---

¹ Доказательством тому является прежде всего инициатива ЕС по разработке Закона о цифровой справедливости (The Digital Fairness Act, DFA) по результатам проверки соответствия требованиям цифровой справедливости. Потребители не всегда чувствуют, что полностью контролируют свой опыт использования сети из-за таких практик, как: темные паттерны в онлайн-интерфейсах, которые могут несправедливо влиять на их решения, например оказывая давление на потребителей с помощью ложных заявлений о срочности; дизайн цифровых услуг, который подталкивает потребителей продолжать пользоваться услугой или тратить больше денег, например азартные игры в видеоиграх; персонализированный таргетинг, использующий уязвимость потребителей, например показ целевой рекламы, эксплуатирующей личные проблемы, финансовые трудности или негативное психологическое состояние; трудности с управлением цифровыми подписками, например, когда компании чрезмерно усложняют процедуру отмены подписки; сомнительные коммерческие практики инфлюенсеров в социальных сетях (<https://www.digital-fairness-act.com/>)

² См.: Казимирчук В.П. Проблемы методологии в теории советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / АН СССР. Институт государства и права. М., 1964. С. 16.

мость эмпирического познания. В частности, А.А. Волос утверждает, что методологическая основа современных исследований в области правового регулирования цифровой экономики должна базироваться на эмпирических исследованиях, направленных на обобщение российской и зарубежной судебной и деловой практики. Это позволит выявить наиболее актуальные вопросы для дальнейшего изучения, а также сформулировать базовые концептуальные положения через дискуссию, применяя метод индуктивного рассуждения от частного к общему¹.

Однако следует отметить, что не только судебная и деловая практика должна попадать в фокус внимания правоведа в современный период. Понимание направлений и сути технологических изменений становится крайне важным для правового обеспечения цифровой экономики. Следовательно, в силу быстро меняющихся социально-экономических условий метод наблюдения, сутью которого является активное, систематическое, целенаправленное, планомерное восприятие изучаемого объекта, в ходе которого собираются и обрабатываются актуальные данные о нем, играет ключевую, а не вспомогательную роль.

Значение метода наблюдения в условиях цифровизации обеспечивает актуальность собираемых данных, позволяет оперативно реагировать на сдвиги в мотивации, стратегиях обхода или следования новым правилам. Тем самым метод служит ранним индикатором регуляторных барьеров, избыточности или недостаточности требований. Кроме того, наблюдение может служить инструментом проверки гипотез и оценки регуляторного воздействия (*ex ante* и *ex post*), повышать достоверность и воспроизводимость эмпирико-правовых выводов при соблюдении соответствующей процедуры (например, протокола наблюдения).

Кроме того, правовая наука переживает процессы фундаментальных трансформаций, поскольку является неотъемлемой составляющей системы научного знания, которое, по мнению В.С. Степина, переживает переход к постнеклассической парадигме научного познания². В рамках этого перехода наблюдается смещение акцентов с дисциплинарно-ориентированных исследований на междисциплинарные и проблемно-ориентированные³. Это обусловлено

---

¹ См.: Волос А.А. Исследование концептуальных основ частного права в современных условиях цифровизации общества: методологические проблемы // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 107–123.

² См.: Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 626.

³ Там же. С. 627.

необходимостью интеграции различных научных дисциплин для решения комплексных задач современного общества. Таким образом, правовая наука интегрируется в междисциплинарный научный дискурс, что позволяет ей более эффективно адаптироваться к вызовам глобализации, цифровизации и трансформации социальных институтов. В условиях постнеклассической науки правовая теория приобретает новые методологические инструменты и концептуальные рамки, способствующие более глубокому и всестороннему пониманию правовых явлений. При этом междисциплинарный анализ становится не вспомогательным, а равнозначным частнонаучному в оценке цифровых явлений.

В правовой литературе отмечается, что на начальном этапе цифровизации право, несмотря на консервативность, способно урегулировать новые процессы, но при следующих условиях: четкое понимание цели этого процесса как перспективной модели планируемого состояния; обновление традиционных принципов и, возможно, формулирование новых принципов правового регулирования; приоритет комплексного, а не отраслевого регулирования; формирование целостной и непротиворечивой системы нормативных правовых актов¹.

В научных дискуссиях затрагиваются различные аспекты влияния цифровых технологий на динамику корпоративного права². Данная отрасль права, являясь одной из наиболее восприимчивых к

---

¹ См.: Талапина Э.В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 27.

² См., например: Backer L.C. Trust Platforms: The Digitalization of Corporate Governance and the Transformation of Trust in Polycentric Space (July 28, 2021). URL: <https://ssrn.com/abstract=3895425>; Лаптев В.А. Технология блокчейн в системе корпоративного комплаенса // Право и цифровая экономика. 2018. № 2. С. 31–33; Ерго же. Перспективы применения технологии блокчейн в сфере корпоративных реестров для бизнеса в России // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 23–28; Новоселова Д., Медведева Т. Блокчейн для голосования акционеров // Хозяйство и право. 2017. № 10. С. 10–21; Санникова Л.В. Блокчейн в корпоративном управлении: проблемы и перспективы // Право и экономика. 2019. № 4. С. 27–36; Laptev V. & Chucha S. & Feyzrakhmanova D. (2022) Digital transformation of modern corporation management tools: the current state and development paths // Law Enforcement Review. № 6. P. 229–244; Олейник Е.В. Цифровизация корпоративного права: современные тенденции // Гражданское право. 2023. № 4. С. 32–36; Чеховская С.А. Корпоративное право перед вызовами цифровизации. С. 97–113; Петров Д.Ю., Филиппов Н.А., Яблокова А.А. Развитие цифрового права в сфере корпоративных отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 1.

цифровым трансформациям, нуждается в адекватной оценке своего состояния и определении горизонта развития. Это обусловлено прежде всего значимостью экономического потенциала корпоративных отношений¹, необходимостью оперативного построения цифрового рынка, основывающегося преимущественно на сквозных цифровых технологиях². Корпоративное право в тесной взаимосвязи с правовым обеспечением функционирования рынка создают основу национальной экономики.

Согласно идее А.С. Палазяна системная, структурная, социальная характеристики права должны рассматриваться только в связи с ее функциональной характеристикой, должным образом сформированные обновленные система и структура корпоративного права повлияют и на его функциональное действие³. При этом структуру отличает то, что она представляет собой совокупность типов и методов связей, образующих устойчивую систему взаимосвязей, которые обеспечивают целостность объекта и его стабильность⁴.

---

¹ В экономической литературе отмечается, что использование возможностей корпоративного сектора экономики зависит главным образом от состояния корпоративных отношений, мотивов поведения собственников, персонала и структуры компании, качества управления бизнес-процессами (см.: Наймушин П.В. Концепция институциональной рационализации корпоративных отношений: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 10).

² Под сквозными цифровыми технологиями понимают ИИ, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей (см. постановление Правительства РФ от 3 мая 2019 г. № 549). Согласно постановлению Правительства РФ от 3 мая 2019 г. № 551 «О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий» «сквозная» цифровая технология — часть технологического процесса производства товаров, оказания услуг и выполнения работ, представляющая собой совокупность процессов и методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, обеспечивающих в ходе хозяйственной деятельности по производству (поставке) товаров, оказанию услуг и выполнению работ: повышение результативности, точности или иных значимых характеристик технологического процесса; повышение качества или иных значимых характеристик производимых (поставляемых) товаров, оказываемых услуг и выполняемых работ (в том числе за счет сокращения брака); снижение издержек при производстве (поставке) товаров, оказании услуг и выполнении работ.

³ См.: Палазян А.С. Функциональная характеристика права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 15.

⁴ См.: Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. СПб., 1991. С. 14.

Цифровая среда в современном правовом дискурсе рассматривается как совокупность информационно-коммуникационных технологий, цифровых платформ, алгоритмов и инфраструктур, обеспечивающих создание, хранение, обработку и передачу информации в цифровом формате¹. Она является своего рода общей «экосистемой» цифровизации, объединяющей сферы предпринимательства, государственного управления, образования, культуры и т.д.

Ключевыми признаками цифровой среды являются: автоматизация и алгоритмизация процессов; трансграничность; использование распределенных реестров (в том числе блокчейн); высокая скорость распространения и обработки данных; снижение роли традиционных посредников. Эти характеристики меняют способ взаимодействия субъектов корпоративного права, принятия корпоративных решений, систему корпоративного управления (включая контроль), форму реализации субъективных корпоративных прав.

На правовое регулирование влияют следующие ключевые особенности цифровой среды, в том числе в предпринимательской сфере:

1) глобальность цифрового пространства. Цифровая среда не ограничена территориальными границами, что обуславливает трансграничный характер деятельности субъектов;

2) цифровая идентификация объектов и субъектов. Применяется специальный механизм идентификации, который обеспечивает аутентификацию и авторизацию участников, включающий в себя криптографические методы, электронные подписи и другие технологии, требующие правового регулирования. В правовой литературе обращается внимание на проблему цифровой идентичности как многогранной и динамичной категории, которая включает в себя деятельность, предпочтения, социальные отношения и цифровое взаимодействие². Такой подход требует надежной правовой базы, которая обеспечивает конфиденциальность, безопасность и ин-

---

¹ См., например: Волос А.А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2. С. 254–273; Чеховская С.А. Указ. соч.; Трофимов А.А. Индивидуализация субъектов частного права в цифровой среде // Юрист. 2024. № 4. С. 33–38; Пушкин А.М. Правовое регулирование договоров в цифровой среде // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 6. С. 15–20; Матвеев А.Г. Цифровое и аналоговое авторское право: различны ли принципы? // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2022. № 3 (34).

² См.: Nabib L.V. The Expansion of the Theory of the Electronic Body (June 23, 2024). URL: <https://ssrn.com/abstract=4874945> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4874945>

формационную автономию, эффективно защищая права отдельных лиц от злоупотреблений в цифровой среде;

3) технологическая зависимость. Ведение деятельности в цифровой среде требует использования сети «Интернет», программных, технических средств, что делает ее зависимой от инфраструктуры и технологий. Это создает дополнительные риски, связанные с отказом оборудования, кибератаками и другими техническими сбоями. Кроме того, ведение деятельности в цифровой среде предполагает использование услуг провайдеров, владельцев и операторов информационных систем, что обуславливает зависимость от данных лиц и требует соответствующего правового регулирования отношений между участниками цифрового рынка;

4) рост рисков, связанных с использованием цифровых технологий и средств коммуникации. Быстрое развитие технологий и их широкое распространение приводят к увеличению цифровых рисков и угроз, таких как утечки данных, киберпреступления, фишинг и другие виды мошенничества. Это требует разработки и постоянного поддержания эффективных механизмов защиты и реагирования на инциденты;

5) приоритетность данных. Основной ресурс деятельности в цифровой среде — данные, которые требуют защиты. Необходимо обеспечить их конфиденциальность, целостность и доступность, а также разработать меры по предотвращению несанкционированного доступа и использования информации.

Ранее технологическая зависимость была определена как одна из ключевых характеристик цифровой среды, поскольку вся архитектура цифровой среды предполагает, что существует ряд лиц, обеспечивающих функционирование технологий и всех элементов ее инфраструктуры в целом. Хотя применительно к блокчейн-технологиям А.Ю. Толкачев А.Ю. и М.Б. Жужжалов утверждают, что зависимость от конкретных участников системы является минимальной¹. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, количество участников блокчейн-сети значительно, доступ к статусу участника может получить любое лицо, соответствующее установленным критериям. Во-вторых, действия участников строго регламентированы протоколом, что лишает их возможности оказывать влияние на функционирование системы. Кроме того, в блокчейн-системах обеспечивается высокий уровень анонимности, что делает любые требования к участникам со стороны владельцев счетов практически невыполнимыми.

---

¹ Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Указ. соч. С. 101.

Тем не менее можно говорить о риске зависимости от третьих лиц при осуществлении предпринимательской деятельности в цифровой среде, для управления которым следует использовать в том числе правовые (прежде всего, договорные) инструменты.

В рамках данной работы акцент будет сделан на наблюдениях за цифровой предпринимательской средой, которая представляет собой подсистему цифровой среды, сосредоточенной на бизнесе, где цифровые технологии и инфраструктура выступают инструментами цифрового рынка, обеспечения высокой динамичности и ориентации на экономический результат.

Следует обратить внимание три ключевые фактора, оказывающих существенное влияние на все аспекты человеческой деятельности: сложность, связанность и скорость. Эти детерминанты, которые можно обобщенно обозначить как С-факторы, формируют новые вызовы и возможности для общества и по сути объясняют вышеизложенные характеристики цифровой среды.

Сквозные цифровые технологии играют центральную роль в усилении их воздействия на поведение лиц и общественные процессы, не только усиливая их влияние, но и трансформируя их природу, создавая качественно новые условия для функционирования социальных, правовых и экономических систем.

С-факторы, характеризующие современную социальную динамику, представляют собой сложную систему взаимосвязанных элементов, требующих комплексного анализа. Сложность обусловлена многоуровневостью структуры социальных взаимодействий, включающей множество переменных и взаимозависимостей. Связанность подчеркивает высокую степень интеграции различных социальных и экономических систем, обеспечивая мгновенное распространение информации и ресурсов. Скорость указывает на экспоненциальный рост темпов социальных и технологических изменений, что приводит к необходимости адаптации к постоянно меняющимся условиям. Сквозные цифровые технологии, такие как ИИ, большие данные, интернет вещей и блокчейн, выступают катализаторами этих процессов, усиливая воздействие С-факторов и изменяя их природу. Эти технологии не только ускоряют и упрощают коммуникацию и обмен информацией, но и создают новые формы взаимодействия, трансформируя традиционные модели поведения и организационные структуры. Таким образом, С-факторы в сочетании с цифровыми технологиями, с одной стороны, формируют новую парадигму социального, правового и экономического развития, требующую глубокого теоретического осмысления, с дру-

гой — с практической точки зрения затрагивают оценку и прогнозирование развития отдельных корпораций.

Понимание этих процессов имеет существенное значение для разработки эффективных стратегий управления корпорацией, поскольку это может быть непосредственно связано с деятельностью совета директоров хозяйственных обществ, когда оценка принятого решения будет основываться на том, насколько каждый директор был в должной степени информирован по вопросу, например, обеспечения надлежащего контроля за системами ИИ, используемыми корпорацией. Так, согласно п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» действия (бездействие) директора будут считаться неразумными, если он принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации, а также если до принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах. Стандарты оценки поведения отдельного члена совета директоров хозяйственного общества будут основываться на том, насколько быстро предпринимаются требуемые действия, на способности лица решать нестандартные задачи, характеризующиеся многоаспектностью, дефицитом времени в условиях неопределенности, и т.д. В этом и будет проявляться действие С-факторов, которые, как представляется, могут также влиять на формирование новых стандартов надлежащего корпоративного управления.

Более того, в современных условиях происходит радикальное переосмысление форм ведения бизнеса¹, а не только логики корпоративного управления, механизмов принятия решений, структуры капитала и характера взаимодействия между участниками корпораций.

Рассматривая цифровую среду как один из факторов трансформации корпоративного права, важно определить ключевые векторы изменений. В условиях цифровизации экономики правовые нормы

---

¹ Бизнес-модель, основанная на цифровой платформе, отличается от традиционных бизнес-моделей современных корпораций тем, что доход образуется не от продажи товаров или услуг конечному пользователю, а из процентов от сделок между покупателем и продавцом (пользователями платформы), а также платы за использование сервисов, основанных на подписках, продвижении, финансовых, логистических и других услугах.

и институты должны не только реагировать на текущие изменения, но и предвосхищать будущие вызовы, что требует глубокого анализа и стратегического подхода. Тем не менее стремительность трансформаций свидетельствует о том, что данный адаптационный процесс разворачивается в условиях объективной ограниченности возможностей для точного прогнозирования развития корпоративного права. Осознание этого, в свою очередь, обусловлено высокой степенью неопределенности и динамичности происходящих процессов, что требует от субъектов права выработки гибких и адаптивных стратегий взаимодействия с изменяющимися регуляторными нормами и средой. Эта задача в той или иной мере должна выполняться корпорациями (прежде всего, советами директоров), нацеленными на передовые позиции на современном рынке.

Правовая система призвана формировать гибкость и способность к динамической трансформации, что предполагает внедрение новых правовых инструментов и механизмов, способных эффективно регулировать сложные отношения в цифровой среде. Другими словами, адаптация права в целом и корпоративного права в частности к цифровому пространству является многоуровневым и многогранным процессом, требующим комплексного подхода и междисциплинарного взаимодействия. В этом контексте правовая доктрина должна учитывать не только текущие технологические инновации, но и потенциальные риски и возможности. Это предполагает разработку новых правовых концепций и моделей, способных обеспечить правовую определенность и защиту интересов всех участников цифровой экономики.

Одной из главных задач права, в том числе корпоративного, является создание и поддержание правовых условий для цифровой предпринимательской среды как совокупности цифровых технологий, инфраструктуры и данных, обеспечивающей взаимодействие и обмен данными в цифровом формате, это основной элемент цифровой экономики. В соответствии с паспортом федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», который реализуется в рамках национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденного президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 4 июня 2019 г. № 7), ряд правовых вопросов требует специальной регламентации в контексте цифровой среды. Основные проблемы могут возникать в связи с недостаточной регламентацией цифровых форм взаимодействия участников корпораций, сложностями идентификации и аутенти-

фикации субъектов в цифровой среде¹, возрастающей вероятностью конфликтов в цифровых корпоративных структурах, угрозой цифрового неравенства между компаниями с разным уровнем технологического доступа, обеспечением кибербезопасности.

Очевидно, что цифровые корпоративные действия должны опираться на единую цифровую инфраструктуру, основанную на доверии и правилах цифрового гражданского оборота, имеющие соответствующий правовой режим деятельности удостоверяющие центры (администратор, который выдает и обслуживает усиленные электронные подписи)², унифицированные требования идентификации субъектов в цифровой среде (расширение ее возможностей и способов), установление специального порядка работы с данными, в том числе с персональными.

Наличие такой специализированной среды, включающей в себя цифровые инструменты и институты, которые обеспечивают развитие предпринимательства в условиях цифровизации и стимулируют взаимодействие участников цифровой экосистемы, позволит определить круг субъектов, деятельность которых на цифровом рынке подлежит особым регуляторным требованиям.

Инфраструктура цифрового предпринимательства представляет собой комплекс взаимосвязанных компонентов, обеспечивающих функционирование и развитие цифровых экосистем. В ее состав входят следующие ключевые элементы: 1) технологическая инфраструктура, включающая цифровые платформы, системы хранения данных и управления данными (дата-центры, облачные хранилища, реляционные и нереляционные базы данных), телекоммуникационные сети (высокоскоростной Интернет, 5G, интернет вещей) и инструменты для обеспечения информационной безопасности и защиты от киберугроз, такие как шифрование, системы обнаружения вторжений и межсетевые экраны; 2) финансовая инфраструктура, охватывающая онлайн-банковские сервисы, электронные платежные системы, краудфандинговые платформы (например, Boomstarter, Planeta.ru), цифровые валюты и технологии смарт-контрактов, обеспечивающие автоматизацию финансовых операций; 3) аналитические и маркетинговые инструменты, в том числе специализированные платформы для сбора, обработки и анализа данных, такие как Яндекс.Метрика и Google Analytics, а также инструменты для сегментации аудитории и таргетирования рекламных

---

¹ См. об особенностях идентификации, например: Трофимов А.А. Указ. соч.

² Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ст. 13) // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

кампаний; 4) цифровые сервисы для рекламы и продвижения — цифровые рекламные сети и сервисы, такие как «ВКонтакте», «Таргет», позволяющие предпринимателям эффективно продвигать свои продукты и услуги в онлайн-среде.

Все вышеперечисленное формирует цифровую экосистему, в которой предприниматели могут разрабатывать, внедрять и масштабировать инновационные цифровые проекты, создавать цифровой бизнес. Как правило, функционально среди субъектов цифровой предпринимательской деятельности выделяют: поставщиков инфраструктуры (операторы цифровых информационных систем¹; центры обработки данных; провайдеры услуг по обмену цифровых активов, обеспечивающих техническую поддержку и функционирование цифровых сервисов, и т.д.); эмитентов цифровых активов; инвесторов в цифровые активы; потребителей на цифровом рынке. Их взаимодействие осуществляется посредством соответствующим образом организованных цифровых (информационных) систем по правилам таких систем, что позволяет им выполнять не только роль «канала связи», но и функции:

- частного регулятора (задают формат, протоколы и стандарты обмена);
- арбитра (фиксируют транзакции, обеспечивают прозрачность и доказуемость действий сторон);
- катализатора процессов (сокращают транзакционные издержки, автоматизируют рутинные операции);
- интегратора (объединяют участников в экосистемы, платформы и сети, где ценность создается совместно).

В результате возникает новая организационная логика предпринимательства: субъекты взаимодействуют не только «по горизонтали» или «по вертикали», но и «через платформу» — цифровую сре-

---

¹ Так, в Федеральном законе от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» определены требования к оператору финансовой платформы и круг субъектов отношений, возникающих в связи с ее эксплуатацией; Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливаются особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации, включая ее майнинг; деятельность операторов инвестиционных платформ регулируется Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс»).

ду, которая становится самостоятельным участником отношений и источником конкурентных преимуществ. Именно поэтому для предпринимателей ключевым становится умение осваивать цифровые платформы и экосистемы как пространство ведения бизнеса, управлять данными как стратегическим ресурсом, понимать риски цифровой зависимости (от инфраструктуры, алгоритмов, киберугроз), использовать цифровые системы не только для коммуникации, но и для создания дополнительной ценности.

Внедрение цифровых платформ существенно изменяет традиционные подходы к правам на объекты, создаваемые в цифровой среде. Вопросы владения, пользования и распоряжения такими объектами регулируются посредством установления и поддержания режима доступа к соответствующим информационным системам¹. Следует отметить, что лицо, обладающее правом доступа к системе, не имеет прямого контроля над цифровым объектом; данный аспект регулируется и поддерживается оператором информационной системы. Таким образом, технически и алгоритмически организованная информационная система выполняет функции по реализации традиционных правомочий владения, пользования и распоряжения цифровыми объектами. Однако, как правило, правообладатель не обладает полным контролем над объектом, что обусловлено спецификой функционирования системы и ее операционной моделью.

К.И. Скловский, рассуждая о правовой природе криптовалюты и подобных объектах права, находящихся в информационной системе без единого центра (оператора), где у каждого участника имеется собственный доступ к устройствам (записям), которые объединены в горизонтальные цепи по принципу распределенного реестра, отмечает, что утрата ключа (пароля) влечет утрату самого объекта, который не может быть восстановлен иными лицами. Соответственно, имеются основания считать этот объект вещью².

---

¹ Термины «цифровая система» и «информационная система» в данном контексте используются как синонимичные, хотя это возможно лишь благодаря тому, что обработка данных в обеих системах осуществляется с применением сходных технологий. В соответствии с п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448) (далее — Закон об информации) информационная система определяется как совокупность информации, содержащейся в базах данных, а также информационных технологий и технических средств, обеспечивающих ее обработку.

² См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. М., 2023. С. 250.

С одной стороны, с данной идеей можно согласиться, но с другой — такой вывод требует уточнения. Во-первых, цифровые объекты¹ не существуют вне информационной системы, зависимость от нее делает условным полный контроль владельца над объектом. Во-вторых, признак безвозвратной утраты при потере доступа (ключа) является скорее следствием особенностей технологии хранения и подтверждения транзакций в распределенном реестре, нежели естественным свойством «вещи» как объекта гражданских прав. При утрате ключа владельцем цифровой объект продолжает существовать в системе и для иных субъектов, оставаясь элементом распределенной сети, хотя доступа к ней для конкретного лица больше нет.

Цифровые объекты в силу своей нематериальности обладают рядом уникальных характеристик, отличающих их от традиционных материальных объектов. Их существование ограничивается киберпространством, где они реализуются на логическом или программном уровне компьютерных систем и сетей. При этом цифровые объекты обладают самостоятельной экономической (имущественной) ценностью², что делает их объектом правового регулирования. Для обеспечения безопасности и предотвращения несанкционированного доступа применяются различные криптографические методы и системы аутентификации.

Эти свойства цифровых объектов находят прямое законодательное закрепление в отдельных странах. Так, согласно Закону США «О прозрачности рынка цифровых активов» 2025 г. (Digital Asset Market Clarity Act, 2025) цифровым активом признается любое цифровое представление ценности, которое записано в криптографически защищенном распределенном реестре или другой подобной технологии³. Цифровой товар определяется как цифровой ак-

---

¹ Терминология в разделе частного права, регулирующего цифровую среду, еще не устоялась. Термин «цифровые объекты» охватывает объекты, имеющие самостоятельную ценность и специальное правовое закрепление. К ним могут относиться токены, цифровой контент, доменные имена, IP-адреса, аккаунты в социальных сетях и др. Однако такое обобщение не учитывает весь спектр цифровых объектов, который включает и другие формы цифрового имущества.

² Цифровые объекты как цифровое представление ценности закреплены в ст. 2 (1) Закона Сингапура «О платежных услугах» (Payment Services Act, 2019), согласно которой цифровой платежный токен представляет собой любое цифровое представление стоимости, которое выражается в единицах, не денонмировано в какой-либо валюте и не привязано его эмитентом к какой-либо валюте (<https://sso.agc.gov.sg/act/psa2019>).

³ URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/3633>

тив¹, стоимость которого неразрывно связана с использованием блокчейна, то есть стоимость которого является производной или разумно ожидается, что она будет получена в результате использования блокчейн-системы.

При этом устанавливается, что цифровой актив неразрывно связан с блокчейн-системой, если он напрямую связан с функционированием блокчейн-системы или с деятельностью или услугами, для которых создана или используется блокчейн-система, включая то, где находится цифровой актив: 1) выпущенный или сгенерированный в результате программного функционирования блокчейн-системы; 2) используемый для передачи ценности между участниками блокчейн-системы; 3) используемый для доступа к деятельности или услугам блокчейн-системы; 4) используемый для участия в децентрализованной системе управления блокчейн-системой; 5) используемый или изъятый из обращения полностью или частично для оплаты сборов или иной проверки или валидации транзакций в блокчейн-системе; 6) используемый в качестве оплаты или стимула для участников блокчейн-системы участвовать в деятельности блокчейн-системы, предоставлять услуги другим участникам блокчейн-системы или иным образом участвовать в функционировании блокчейн-системы; 7) используемый в качестве оплаты или стимула для участников блокчейн-системы для проверки транзакций, обеспечения безопасности блокчейн-системы, предоставления вычислительных услуг, поддержания или распространения информации или иного участия в операциях блокчейн-системы.

Категория цифрового объекта играет ключевую роль в юридической привязке определенных правомочий к конкретным явлениям или предметам, на которые распространяются права и обязанности субъектов. Нормативные акты, определяя категорию цифрового объекта, устанавливают границы субъективных прав и конкретизи-

---

¹ Термин «цифровой товар» не включает в себя ничего из следующего: любые ценные бумаги (в том числе вексель), инвестиционный контракт или свидетельство о заинтересованности или участии в любом соглашении о разделе прибыли, которое представляет или предоставит владельцу долю собственности или иную заинтересованность в доходах, прибыли, обязательствах, долгах, активах или активах или долгах, которые будут приобретены у эмитента цифрового актива или другого лица (кроме децентрализованной системы управления), делает владельца кредитором эмитента цифрового актива или другого лица или представляет или предоставит владельцу право на получение процентов или возврат основной суммы от эмитента цифрового актива или другого лица.

руют их содержание¹, что позволяет эффективно регулировать общественные отношения, связанные с их использованием.

Адаптация корпоративного права к цифровой предпринимательской среде может стать одним из ключевых факторов обеспечения устойчивого развития бизнеса, поскольку это обусловлено самим развитием хозяйственного оборота. Этот процесс главным образом исследуется путем анализа законодательства и наблюдения за практикой осуществления деятельности в цифровой сфере.

На начальном этапе адаптация корпоративного права к цифровым условиям осуществлялась по следующим основным направлениям:

- автоматизация и алгоритмизация системы корпоративного управления;

- закрепление правового режима цифровых активов;

- создание цифровых акционерных обществ.

Вопросами, требующими дальнейшего правового обеспечения, являются:

- создание правовых условий для реализации и защиты субъективных прав, в том числе корпоративных в цифровой среде²;

- создание правовых условий функционирования новых цифровых коллективных сообществ, например ДАО.

Корпоративное законодательство последовательно создает для традиционных корпораций (web1-корпораций) возможность легализации включения цифровых технологий в корпоративные процедуры.

Отдельным вопросам изменения законодательства, направленного на обеспечение цифрового взаимодействия в корпоративной сфере, посвящено большое количество публикаций³. Цифровые

---

¹ См.: Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права: сборник статей / под ред. С.Н. Братуся. М., 1960. С. 288–289.

² См. об общих вопросах защиты в цифровой среде: Чеховская С.А. Правовая охрана гражданских прав, осуществляемых в цифровой среде // Традиционные ценности в системе защиты гражданских и семейных прав: монография / под ред. Н.В. Летовой, Н.И. Соловяненко. М., 2024. С. 248–258; Ее же. Правовая защита субъектов в цифровой предпринимательской среде (судебная и несудебная) // Правосудие в современной России: монография / под ред. Е.В. Михайловой. М., 2025. С. 320–345; Ее же. Возникновение и реализация прав на цифровые объекты: частнопровые аспекты. В кн.: Объекты гражданских прав: юридические исследования в цифровую эпоху: коллективная монография. Вып. 20 / рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. Серия «Анализ современного права / IP & Digital Law». М., 2025. С. 398–410.

³ См., например: Ломакин Д. Указ. соч.

технологии влияют на корпоративные отношения на уровне как управления корпорацией, так и участия в ней и защиты субъективных корпоративных прав.

В силу абз. 2 п. 1 ст. 181.2 ГК РФ управление корпорацией с использованием технологий позволяет осуществлять электронный документооборот, дистанционное участие в заседаниях органов управления (видеоконференции, голосование через блокчейн-платформы) при условии, что используемые технические средства позволяют достоверно установить лицо, принимающее дистанционное участие в заседании, и предоставляют такому лицу возможность участвовать в обсуждении вопросов повестки дня. Признание ДАО в качестве гражданско-правовых сообществ предоставит возможность распространения действия указанной статьи ГК РФ на эти организации. Тем не менее терминологические несоответствия между юридическим языком закона и реальными процессами в цифровой среде остаются актуальными. Участники ДАО, принимая решения в системе, фактически не участвуют в заседаниях в традиционном понимании этого термина.

Законы о хозяйственных обществах также содержат специальные правила, позволяющие использовать информационные и коммуникационные технологии, позволяющие обеспечить возможность дистанционного участия в заседаниях (п. 5 ст. 47; п. 11 ст. 49; ст. 49.1; п. 5, 10 ст. 52; п. 1 ст. 54; ст. 60, 68, 70; подп. 5 п. 2 ст. 91 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО); ст. 32; подп. 5 п. 2 ст. 36; ст. 37.1; подп. 1 п. 2, п. 4 ст. 38.2; подп. 12.1 п. 2 ст. 50 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО))¹.

Указанные правовые возможности в дальнейшем потребуют переосмысления механизмов защиты участников корпоративных отношений, поскольку цифровые технологии могут быть использованы недобросовестно, например для манипулирования корпоративными процедурами (через алгоритмическое распределение голосов и т.д.).

Следует обратить внимание на то, что действующее законодательство исходит из презумпции «технической нейтральности» цифровых систем, предполагая, что они лишь транслируют волю участников. На практике же посредством технологий можно оказывать прямое влияние на процесс принятия решений: от ограничения доступа отдельных участников к голосованию до встроенных алгоритмов подсчета голосов, которые могут содержать скрытые

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

дефекты или даже умышленные искажения. Более того, широкое использование облачных сервисов и внешних цифровых платформ в корпоративных процедурах порождает риск фактической утраты обществом контроля над ключевыми корпоративными процессами, поскольку критически важные данные и алгоритмы оказываются в ведении сторонних операторов.

В связи с этим возникает необходимость в качественно новом подходе к защите корпоративных прав, который должен включать: обеспечение прозрачности алгоритмов (возможности аудита систем электронного голосования и идентификации участников); юридическую верификацию цифровых платформ, используемых в системе корпоративного управления, включая обязательное соответствие определенным стандартам безопасности и независимую сертификацию; специальные механизмы оспаривания решений, принятых с использованием информационных и коммуникационных технологий, с учетом особенностей цифровых доказательств; установление ответственности операторов цифровых систем (в том числе разработчиков программного обеспечения) за недостоверность или искажение корпоративных процедур; введение гибридных процедур, при применении которых критически важные решения не могут приниматься исключительно в цифровой форме, а требуют дублирования или подтверждения иными способами.

Таким образом, цифровизация корпоративного управления не только расширяет возможности участников хозяйственных обществ, но и меняет саму природу корпоративных рисков. В будущем возможно появление в российском праве особого института — «цифровых корпоративных гарантий», направленных на баланс между технологическими преимуществами и сохранением справедливости корпоративных процедур.

1.2. ВЛИЯНИЕ ОБЩИХ НАЧАЛ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ НА ПРИНЦИПЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

Несмотря на консенсуальное признание основополагающей роли принципов права в отечественной юридической науке, теории и практике континентальных правовых систем их концептуальное осмысление характеризуется неоднозначностью и противоречивостью¹.

---

¹ См.: Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 7.